

# ПРОДЛЁННЫЙ ОТПУСК

*Владимир Тубский*



Владимир Губский  
**Продлённый отпуск**

«Издательство «Перо»

2020

УДК 821.161.1  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Губский В. В.**

Продлённый отпуск / В. В. Губский — «Издательство «Перо»,  
2020

ISBN 978-5-00171-389-0

Молодость – короткое, но прекрасное время человеческой жизни, когда всё – впервые и нет жизненного опыта, когда очень важно найти своё место в обществе и понять своё предназначение. Книга «Продлённый отпуск» повествует о дальнейшей судьбе главного героя романа «Остров на болоте». Вместе с завершающей трилогию повестью «Лиля» она раскрывает читателю непростой путь самовоспитания и взросления молодого человека в предлагаемых жизнью обстоятельствах, его попытки найти своё счастье.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00171-389-0

© Губский В. В., 2020

© «Издательство «Перо», 2020

# Содержание

Повесть	5
Продленный отпуск	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

# Владимир Губский

## Продлённый отпуск.

### Повесть. Рассказы. Очерк

#### Повесть

#### Продленный отпуск

#### 1

– Может быть, кому-то из вас служба кажется мёдом? – вопрошал зычным голосом старшина Куценко, прохаживаясь перед строем молодых солдат.

Шеренги курсантов замерли, как будто каждый, кто стоял в этих шеренгах, следил за тем, как вращается барабан револьвера, из которого в следующую минуту прозвучит выстрел.

– Не слышу ответа! – прокричал Куценко.

– Никак нет, товарищ старшина! – стоголосым хором отвечал строй, подтверждая, что служба мёдом не кажется.

Далее старшина излагал суть назначенного им наказания в виде наряда вне очереди для тех, кто имел несчастье провиниться. Стоявшие перед строем «провинившиеся» курсанты должны были бодро и чётко отвечать: «Есть наряд вне очереди!» Если старшина не улавливал в голосе курсанта достаточной бодрости, он требовал повторения фразы до тех пор, пока эта бодрость не появлялась. При этом курсант должен был держать голову прямо, расправив плечи и брови, и смотреть перед собой на воображаемого начальника.

Подобная раздача нарядов была в сержантской школе ежедневным вечерним ритуалом и по своей непредсказуемости походила на игру в рулетку. Никто из сотни курсантов первой роты не мог заранее предугадать, будет ли он сегодня после «отбоя» спать или будет драить лестницу или туалет.

Жизнь в «учебке» мёдом не была, но тем она и отличалась от весёлых будней пионерского лагеря, что быстро лишала новобранцев иллюзий по поводу всеобщего равенства и торжества справедливости и выбивала из желторотых разгильдяев остатки гражданских вольностей. Каждые полгода учебный центр дивизии выпускал батальон подготовленных сержантов, которых тут же развозили по четырем ракетным полкам, запрятанным по лесам Белоруссии.

Человек, особенно молодой, ко всему привыкает – и к хорошему, и к плохому. Но если бы кто-то в те – первые – дни пребывания в армии спросил Сергея, что осталось хорошего в его жизни, он затруднился бы ответить. Хорошего было мало. К этой малости относилась военная форма, которая ему всегда нравилась, кирзовые сапоги, в каких он ещё дома любил ходить в лес, письма от родителей и друзей и то, что дивизия, в которой ему предстояло служить, была гвардейской. Что же касалось остального, то оно было сложным...

Были, конечно, физические нагрузки и строгая дисциплина – всё как полагается – надо так надо. Но молодые солдаты даже в «учебке» часто сталкивались с тем ужасным явлением, которое как плесень, порождённая долгим отсутствием военных действий, проникло в армию и которое армейское начальство предпочитало не замечать. Но оно существовало, и молодые солдаты подвергались издевательствам и унижениям со стороны старослужащих, что убивало в

них человеческое начало и превращало в послушных рабов. С этим злом каждому приходилось справляться в одиночку.

По давно заведённой традиции всех новобранцев, прибывающих к месту службы, первым делом подвергают обряду омовения водой, отправляя в баню или душ, где вместе с дорожной пылью будущие солдаты смывают с себя всё то, что связывает их с прошлой жизнью. Очистившись душой и телом, они получают обмундирование и становятся воинами. От прежней жизни у них остаётся лишь имя. И если кому случится погибнуть в бою, то его солдатской душе будет уготовано место в раю, как душе ребёнка.

После водного обряда новобранец теряет прежнюю свободу и уже не принадлежит самому себе. С этого момента за него думает и принимает решения его командир. Понять и принять это сразу трудно. Любой живой организм, оказавшись в новых условиях, поначалу пытается сопротивляться, и только убедившись, что сопротивление бесполезно и «зло» нельзя одолеть, – перестаёт тратить энергию на сопротивление и приходит к неизбежному выводу, что гораздо полезнее думать о том, как выжить в предлагаемых условиях. Такое прозрение является первым и верным шагом к тому, что на армейском языке называется «пониманием службы».

И всё же в сержантской школе жить было можно. Можно было привыкнуть к ранним подъёмам с их сорока пяти секундами на сборы, к изматывающим занятиям строевой подготовкой, к физическим тренировкам, к десятикилометровым марш-броскам с полной выкладкой и противогазом на голове, а также к утомительному заучиванию наизусть различных воинских уставов и устройства ракетного двигателя. Всё это можно было одолеть и со всем согласиться.

Нельзя было согласиться с другим – с дикой суровостью к подчинённым, которая исходила от заместителя командира роты старшины Куценко. В отношениях с подчинёнными офицеры никогда не позволяли себе того, на что были способны те, кто ещё полгода, год назад были сами такими же курсантами. Справедливости ради надо сказать, что так вели себя далеко не все сержанты. Свирепость любого начальника всегда обратно пропорциональна уровню его культуры.

Вид у старшины Куценко был геройский: такого бы – с гранатой да под танк! И в кино можно снимать. Большой, сильный, подтянутый – поначалу он вызывал восхищение у всей роты. Взгляд его был хищный и зоркий, как у сокола, даже головой он крутил как-то по-особому – по-птичьи отрывисто, с секундными паузами. Проходя перед строем, он замечал любую оплошность во внешнем виде даже у тех, кто стоял в третьей шеренге. Как-то, ведя по дороге роту, он на ходу учуял, что от одного из курсантов пахнет спиртным. На следующий день этого курсанта в роте уже не было. Форма на старшине сидела идеально. Отбеленная спецсредством гимнастёрка образца 1943 года придавала ему вид бывшего солдата и выгодно выделяла его на фоне курсантов, одетых в новую униформу образца 1970 года.

Свою отглаженную пилотку он носил на «дембельский» манер – спущенную на лоб до самых бровей. Чтобы удержать её в таком положении, ему приходилось, как ясновельможному пану, ходить с гордо поднятой головой, выставляя вперёд свой волевой подбородок. В такой горделивой позе он и разговаривал с теми, кто был ниже его по званию. Своё «высокое» звание он получил за неделю до прибытия нового набора курсантов, а до этого полгода ходил в сержантах. Молодые курсанты восхищались его боевой выправкой, пока не сталкивались с ним лично, а столкнувшись, начинали ненавидеть.

На десятый день службы Сергей Польшин получил свой первый наряд вне очереди. Утром, проснувшись по команде «Подъём!», он обнаружил на своих сапогах чужие гнилые портянки. Вид их был настолько мерзок и отвратителен, что Сергей не решился наматывать их на ноги и, следуя суворовской заповеди, проявил смекалку, – быстро намотал на ноги ножные полотенца и побежал в строй. По своей наивности он полагал, что случись такое на войне или на марше, умный командир непременно одобрил бы его сообразительность, но старшина

Куценко солдатской смекалки не оценил. Построив роту, он приказал Польшину выйти из строя и разуться, как будто заранее знал, что у того вместо портянок на ногах намотаны полотенца. Уличив курсанта в «злонамеренном» действии, не принимая никаких объяснений, старшина объявил ему наряд вне очереди и заставил чистить общественную уборную.

В тот солнечный майский день рухнул и разбился на мелкие кусочки иллюзорный мир добра и справедливости, который Сергей выстраивал со школьных лет в своей голове, наивно полагая, что именно таким этот мир и должен быть. Но мир оказался совсем иным, он делился на тех, кто командует, кому «можно», и на тех, кто подчиняется и кому «нельзя». Эта простая и жестокая правда как-то не приходила ему в голову раньше, пока он был дома, и об этом не говорили в школе. Но теперь, когда он стал обладателем этого тайного знания, в душе его поселилась смута.

Разумеется, старшина Куценко знал, кто из его дружков-старослужащих, обитавших в дальнем углу большого кубрика, подменил «молодому» портянки, но «по понятиям», бывавшим в армейской среде, он должен был соблюдать «дембельскую» солидарность. На ней держался тот укоренившийся в армии порядок, который впоследствии будет назван «дедовщиной».

С того самого дня Сергей возненавидел старшину. Всякий раз, когда он думал о нём, ему на память приходил один и тот же эпизод из фильма «Спартак», в котором восставшие рабы расправляются со своими охранниками и где сам Спартак «мочит» в кипящем вареве своего обидчика. Возможно, Куценко заметил, а скорее почувствовал своим звериным чутьём изменившееся к нему отношение со стороны курсанта и стал периодически обрушивать на голову жертвы свой гнев. Когда в следующий раз старшине не понравилось, как была отдана ему честь, он заставил Сергея два часа ходить по аллее строевым шагом и козырять каждому дереву. Несколько раз Сергею приходилось после отбоя мыть носовым платком широкую бетонную лестницу, ведущую на второй этаж, начиная с нижней ступеньки.

Сергей понимал всю безвыходность своего положения и считал дни, остававшиеся до окончания школы, – когда он получит звание сержанта и, наконец, навсегда избавится от старшины. Каждый вечер перед отбоем он соскабливал в своём карманном календаре прожитый день, без сожаления прощаясь с ним и не давая возможности времени повернуться вспять.

Но судьба распорядилась по-своему и неожиданным образом.

В конце июля курсант Польшин был переведён в штаб дивизии на должность писаря боевого отдела. Жить ему предстояло в комендантской роте, помещение которой находилось на втором этаже старинного здания, – над книжным магазином. О таком счастье можно было только мечтать. От казармы до штаба было около ста шагов, так что и зимой можно было обходиться без шинели. После «учебки» относительно вольная жизнь в комендантской роте показалась Сергею раем на земле, а главное – не было больше старшины Куценко, он навсегда остался для него в прошлом.

Причиной перевода в штаб стали «Боевые листки», которые Сергей оформлял каждую неделю, выписывая текст изящным архитектурным шрифтом. Из штаба в «учебку» пришёл запрос на специалиста, владеющего шрифтом, и выбор пал на Сергея.

Комендантская рота, обслуживавшая штаб дивизии, была разношёрстна по своему составу. Были в ней водители штабных машин, были музыканты оркестра, отделение химзащиты, связисты-шифровальщики, секретчик Оберенко, два комсомольских активиста из политотдела, три писаря и вечно пьяный ветеринар Дубичев, в одиночку справлявшийся с запасами выделяемого для дезинфекции спирта, – всего около шестидесяти человек. Распорядок дня личного состава был у каждого свой, и потому в славном гвардейском подразделении, возглавляемом бесцветно-рыжим и угрюмым капитаном Пешеровым, никаких строевых подготовок, а также спортивных занятий не проводилось. Но если по случаю какого-нибудь

праздника командир дивизии – генерал-майор Глушенко назначал строевой смотр, то комендантская рота умела показать своё мастерство, а его, как утверждал Дубичев, не пропёшь.

Раз в две недели капитан Пещеров проводил в роте политзанятия. Всё остальное время он обитал в автопарке, так как нёс личную ответственность за состояние машин. Внутренняя жизнь роты со всеми хозяйственными заботами лежала на погонах прапорщика Палия и старшего сержанта срочной службы, маленького и неказистого Лирныка. В отличие от старшины Куценко, вид у старшего сержанта всегда был такой, как будто он только что вылез из-под телеги, где, заеденный мухами, укрывался от палящего солнца. Много, что бросалось в глаза Сергею в его новом коллективе, порою вызывало удивление, порою – возмущало, но неизменно укрепляло в нём догадку о несовершенстве мира.

Комендантская рота была освобождена от нарядов на кухню. Это была её привилегия, но однажды, уже зимой, привилегию на время отменили. Всего на два месяца, но Сергею эти месяцы запомнились на всю жизнь.

Каждый день рота должна была посылать одного человека на кухню в солдатскую столовую, в которой питался весь личный состав Северного городка. Тот, на кого падал жребий, шёл в столовую как обречённый, отданный в жертву на съедение дракону. Шесть раз такой жертвою становился Сергей. Каждый раз, когда прапорщик Палий за сутки до дежурства оглашал список назначенных в наряд и Сергею выпадало идти на кухню, он воспринимал это назначение как смертный приговор и весь день пребывал в состоянии обречённого. После обеда в четыре часа он брёл в столовую и, приняв смену, надевал переходящий, как вымпел, промасленный и почти чёрный от грязи защитный «скафандр», стоявший в углу посудомоечной. Так в шутку солдаты называли жёсткую, как пожарный рукав, брезентовую робу, в которой полагалось работать у ванны с кипятком. Каждый раз, идя в наряд на кухню, Сергей уже заранее знал, что его распределят именно туда – в эту жуткую посудомойку. Новичкам всегда достаётся самое трудное – таков закон службы.

Столовая была рассчитана на пятьсот человек, это означало, что после каждого приёма пищи нужно было вычистить и перемыть пятьсот алюминиевых мисок и такое же количество кружек и ложек. Вся эта груда металла сваливалась в ванну с кипятком, откуда потом голыми руками выхватывались миски и кружки и выкладывались на стол. После смены руки ещё сутки «горели», а иногда на пальцах сходила кожа.

Уже после службы, когда Сергей учился в институте, он, приходя в студенческую столовую, с содроганием вспоминал свои шесть нарядов и с удивлением смотрел на добровольно работающий там персонал.

## 2

В половине четвёртого утра работа была закончена. Полученное накануне вечером задание было выполнено, и даже на сон оставалось целых три часа. Сергей подождал, пока высохнет тушь, свернул в рулон набитую на деревянные рейки трёхметровую «простыню» со сводной таблицей показателей по итогам штабных учений четырёх полков дивизии и вместе с тремя другими таблицами отнёс свою ночную работу в секретную часть. Постучал в обитую железом дверь. Через минуту заспанное лицо ефрейтора Оберенко показалось в окошке.

– Принимай, – сказал Сергей, просовывая в окно охапку длинных рулонов. – Четыре таблицы.

– Закончил? – для убедительности спросил Оберенко.

– Да, закончил.

Секретчик принял рулоны и подал тетрадь.

– Распишись, – сказал он, зевая.

Сдав ключи от отдела дежурному офицеру, Сергей вышел на улицу. Было ещё темно. Влажная освежающая прохлада вцепилась в грудь, и он жадно вдыхал зыбкий аромат весенней ночи, наслаждаясь тишиной и покоем. Несмотря на усталость, он не торопился в казарму, желая надышаться свежестью ночи и насладиться своим одиночеством, не так уж часто выпадающим на службе. Цокающий звук его подкованных сапог, как звук метронома, отчётливо раздавался в ночной тишине спящего городка.

Стояла середина апреля 1971 года. Подходил к концу первый год его службы в армии – в этом Северном городке со старыми польскими постройками, расположенном на окраине города Лида. Девять последних месяцев он работал писарем-чертёжником в боевом отделе штаба дивизии. Он приобрёл большой опыт в своей работе и надеялся, что этот опыт пригодится ему в дальнейшей жизни, так как после армии он собирался поступать в институт.

Минувший год не прошёл для него даром. Теперь он знал, что человеческое общество делится на тех, кто управляет, и тех, кто подчиняется. Он понял истинное значение слова «свобода». Раньше, пока он жил дома и ходил в школу, это было всего лишь слово – одно из многих. И только здесь, в армии, утратив эту самую свободу, он физически ощутил на себе её великий смысл и понял, почему за неё порою люди отдают свою жизнь.

В соответствии со своими интересами он наметил для себя ряд направлений, в которых желал бы достичь максимальных знаний, а именно: русская история и русское искусство – в подробностях, с именами и датами, общая и военная история Европы, начиная с античности, отдельно и в подробностях – история Наполеоновских войн, история европейского искусства – также с именами и датами, история костюма, военной амуниции, история огнестрельного и холодного оружия, история мореплавания и парусного флота.

Боевой отдел, в котором Сергей работал, занимал в штабе три комнаты на втором этаже. Отдельный кабинет был у начальника отдела – подтянутого и удалого полковника Мазурова, носившего свою каракулевую папаху по-чапаевски лихо заломленной назад. В штабе о нём ходили легенды. Он относился к тому типу русских офицеров, которыми всегда восхищаются солдаты и за которыми без страха готовы идти в бой. Все женщины штаба были тайно влюблены в него и даже прощали ему его привычку вставлять в их присутствии в свою речь какое-нибудь крепкое словцо, отчего они приходили в восторг и застенчиво улыбались.

По соседству с кабинетом полковника находились две рабочих комнаты офицеров боевого отдела. Одну занимали четыре офицера, другую – заместитель начальника подполковник Кузнецов, при котором находились и оба писаря-чертёжника. Подполковник Кузнецов во всём уступал полковнику Мазурову, хотя и старался напускать на себя сердитый вид, который, впрочем, никого не пугал. Роста и телосложения он был среднего, лишних фантазий, как и чувства юмора, не имел, анекдотов не рассказывал, – одним словом, человек был ответственный. Зато офицеры отдела пошутить любили.

Своим остроумием выделялся майор Куницын. Время от времени он с невозмутимо серьёзным лицом отпускал всегда имевшуюся у него в запасе шутку и на пять минут отрывал своих заработавшихся коллег от важных дел. Простодушный и розовощёкий майор Грехов по причине своего небольшого роста, округлости фигуры и незлобивого характера часто подвергался веселым розыгрышам со стороны коллег, но никогда не обижался и даже смеялся над своей неловкостью. Энергичный черноглазый майор Цыганков был мастером сочинять деловые бумаги: приказы, рапорты, отчёты и донесения. Работая над документом, он старательно «скрипел» пером, выводя своим красивым почерком замысловатые фразы. Потом он перечитывал вслух написанный им текст и начинал его править, переставляя местами слова или удаляя их вовсе. При этом он закатывал глаза к потолку, точно выискивая там нужное выражение, а не найдя оно, обращался за советом к сидевшим рядом соседям.

Наставником Сергея был старший его товарищ Михаил Химичев, с которым у Сергея сложились хорошие отношения. Первые дни, когда Сергей прибыл в штаб, Михаил учил его

– как в школе учитель – писать буквы, и Сергей на разлинованном ватмане тренировал с утра до вечера руку, переписывая с образца мелким шрифтом целые страницы. Необходимо было выработать схожесть почерка, чтобы на будущее в документах не было видно разности рук. Михаил был смугл и черноволос, словно имел примесь цыганской крови, стриг волосы «под горшок» и был похож на писаря из картины Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».

\* \* \*

– Вот послушай, Толя, – обратился Цыганков к сидевшему слева от него русоволосому и высокому капитану, – как лучше написать? «Командир дивизиона лично присутствовал при установке ракеты...» или «при установке ракеты командир находился непосредственно у стола...»?

– Как сам считаешь лучше – так и напиши, – отвечал, не задумываясь и не глядя на него, капитан Черных, самый молодой из офицеров, занятый важным подсчётом единиц техники.

Цыганков, по своему обыкновению, поднял голову к потолку и долго что-то бормотал себе под нос, потом сделал поправку в тексте и, отложив бумагу, откинулся на спинку стула и довольный потянулся.

– Всё!.. Закончил, японский городской! – сказал он бодро. – Можно отдавать в печать. А тебе ещё много осталось?

Черных покачал головой, словно чего-то не мог понять.

– Что-то не складывается? – поинтересовался Цыганков.

– Не хватает одной ракеты, – озабоченно сообщил капитан, роясь на столе в бумагах и двигая папки, как будто пытаясь что-то найти.

– Как не хватает? – не понял Цыганков.

Он опустил на стул, положил перед собой папку с донесением и стал натягивать на себя китель, до этого висевший на спинке стула.

– Что, ракету потеряли? – испуганно поднял брови Грехов. – Не может такого быть. Вы что такое говорите?

– Товарищ Миша, наука знает много примеров, когда бывает даже то, чего не может быть, – поправил его капитан Черных невозмутимо спокойным голосом.

Оторвавшись от своего отчёта, ироничный и прозорливый Куницын с интересом уставился на капитана.

– Из хранилищ второго дивизиона Пружанского полка выкатили четыре ракеты, – сухо докладывал Черных, – поставили на стартовые столы, подкатали заправщик, потом поступила вводная об упреждающем ударе противника, личный состав батареи побежал в укрытие... А когда дали команду «отбой» – одной ракеты на старте не обнаружили...

– Куда ж она могла деться? Ударной волной снесло, что ли? – спросил растерянно Грехов.

– Если бы снесло ударной волной, то она исчезла бы вместе со столом.

– А стол что, на месте остался? – на всякий случай уточнил Грехов

– Стол – на месте...

– Миша, ну какой волной? – возмутился Цыганков. – Удар-то условный был! У-слов-но-го противника!

– Ах, да! – сбитый с толку, Грехов стукнул себя по лбу. – Тогда где же ракета? Не могла же она испариться?

Капитан Черных пожал плечами. Цыганков, глядя в упор на растерявшегося Грехова, сухо и серьёзно констатировал:

– Получается, что кто-то спёр.

– Как можно спереть ракету? – не понимал Грехов. – Она же двадцать два метра длиной...

Цыганков повернулся к Черныху:

– А улететь не могла?

– Теоретически, конечно, могла, но её не успели заправить, – рассудительно успокоил Черных.

– Вот это хорошо, что не успели заправить, а то бы – не дай Бог...

И майор Цыганков предостерегающе посмотрел на своих коллег.

– А в лесу искали? – робко поинтересовался Грехов.

– Ищут. Весь полк на ноги подняли.

– И что же, никаких следов?

– Я разговаривал с заместителем командира... В общем, есть одна догадка...

Черных замолчал, сосредоточенно собирая разложенные на столе бумаги.

– Ну, не тяни, Толя, какая такая догадка? – заинтригованный Цыганков заёрзал на стуле.

– Есть предположение, что местные могли укатить.

– Какие местные? Откуда? Там же охрана? На что она им? – сыпал вопросы ошарашенный вконец майор Грехов.

– А прапорщики на что? Им только подсказки, они тебе что хочешь сопрут, а потом разрежут ракету на куски, как колбасу, и наделают лодок.

– Так это же ЧП! – осторожно выдал из себя майор Грехов, делаясь ещё меньше ростом.

– ЧП, – подтвердил Черных. – И у кого-то полетят головы.

– А Мазуров знает?

– Пока не докладывали. Может, ещё успеют найти – вот, жду звонка.

– Доложить всё равно придётся...

– Вот ты, Миша, и пойдёшь докладывать.

– А почему я? – заартачился Грехов, на всякий случай садясь и поправляя под собой стул. – Я за личный состав отвечаю, а не за технику.

– Все мы в одной лодке, Миша, – невозмутимо серьёзно заявил Черных, – со всех погоны снимут.

Сделав небольшую паузу, он ласково добавил:

– Ты у нас самый маленький, тебя начальство любит, так что бить не будет...

– Или сильно не будет, – уточнил Куницын.

Грехов достал носовой платок и стал вытирать вспотевший лоб. Куницын и Цыганков смотрели на него с отеческой любовью и широко улыбались. Майор Грехов в недоумении уставился на них, не понимая, в чём могла состоять причина такой неожиданной радости. В следующий момент комната огласилась дружным смехом. Увидав, что и Черных, державший до этого серьёзную мину, заулыбался, Грехов наконец понял, что его разыграли. В дверях соседней комнаты, привлечённый смехом, появился подполковник Кузнецов. Выяснив причину веселья, он только хмыкнул себе под нос и удалился.

### 3

Через неделю в дивизии начались боевые учения. По плану учений штаб дивизии вместе с батальоном связи и заграждения, а также ротой ПТУРС, должен был переместиться под Новогрудок на полевой запасной командный пункт, который требовалось скрытно развернуть в лесу в течение ночи. Вместе с офицерами боевого отдела Сергей, прихватив бумагу и необходимые инструменты, погрузился в микроавтобус УАЗ и в сгустившихся вечерних сумерках выехал на юг в указанном направлении. Примерно через час колонна машин пересекла Неман и углубилась в густой хвойный лес.

Старшие коллеги Сергея – Химичев и Ануров (второй работал писарем в инженерном отделе) – были оставлены в штабе для подготовки итоговых материалов учений. В боевом отделе дежурным офицером оставался подполковник Кузнецов.

В лес – к месту назначения – колонна штабных машин прибыла поздно вечером. Узкие полосы света, исходившие от закрытых фар, едва освещали дорогу. Тёмное беззвёздное небо, нависшее над лесом, помогало скрытному развёртыванию командного пункта. Пахнущий хвоей лес сразу ожил, наполнился невидимым движением; глухо урчали «Уралы» с кунгами связи и управления, сновали и что-то тянули связисты, разворачивалась полевая кухня, устраивалось заграждение и оборудовались узлы обороны.

Офицеры, прихватив «тревожные» чемоданчики, покинули узик и скрылись в темноте. Сергей с водителем остались одни. В надежде, что ранее завтрашнего дня ему не дадут никакой работы, Сергей приготовился ночевать в машине, но только он устроился на сиденьях, как появился капитан Черных и приказал до утра машину окопать.

– Значит так, бойцы, – сказал он. – Вы должны выкопать окоп размером три на шесть метров и метр глубиной с заездом с одной стороны длиной четыре метра. Вынутый грунт уложить на бруствер с трёх сторон и замаскировать. Срок – до утра. Всё ясно?

– Так точно, товарищ капитан, – ответил за двоих водитель Орещук. – Тильки у мене одна лопата...

– Значит, будете копать по очереди. Это даже хорошо, что одна лопата – в темноте не заденете друг друга.

С этими словами капитан скрылся в темноте леса. Орещук завёл мотор и отъехал назад, освобождая место для работы. К полуночи заметно похолодало, ночная тьма наполнилась лесной сыростью. Пока водитель рылся в машине, доставая лопату и переноску, Сергей прикидывал объём предстоящей работы, чтобы определить время, которое потребуется на её выполнение. Выходило, что надо было поднять и уложить на бруствер двадцать четыре кубометра грунта. Разделив это количество на два кубометра в час, Сергей пришёл к выводу, что закончить работу можно будет только к полудню следующего дня, но никак не до утра. Он поделился своими неутешительными расчётами с водителем, но тот, огорчённый тем, что не удастся выспаться, только махнул рукой.

– Сказано копать, значить будэмо копать, – сказал он обречённо и протянул Сергею лопату. – Ось тобі лопата – роби размитку.

Решено было меняться через час. Сергей стал размечать площадку, окапывая её со всех сторон, Орещук, закрепив на дереве переноску, ушёл спать в машину. Однако долго спать ему не пришлось, через двадцать минут Сергей разбудил его и отправил за топором, так как пробиться сквозь многочисленные корни одной лопатой было невозможно. Недовольный тем, что его разбудили, Орещук ушёл, а Сергей продолжил освобождать площадку от верхнего растительного слоя грунта. Через полчаса, когда Орещук вернулся с топором в руках, Сергей, передав ему лопату, взял топор и стал рубить скользкие жилистые корни.

– Сокиру тильки на годину дали, – предупредил Орещук, – треба будэ повернуты.

– За час уложимся, – заверил Сергей. – У сосны корни поверху идут, нам бы только верхний слой пробить, а дальше легче будет.

Орещук принялся выбрасывать грунт, Сергей, держась от него на безопасном расстоянии, рубил корни. Через полчаса они поменялись местами, а ещё через полчаса с корнями было покончено. В то время как Орещук относил обратно топор, в тусклом свете переноски вновь появился капитан Черных.

– Вот что, бойцы, – сказал он, хотя Сергей был один. – До утра вы всё равно не успеете, поэтому работу отставить, всё обратно засыпать, разровнять и прикрыть ветками. Узик загнать под деревья и замаскировать, а для себя отройте щель-укрытие глубиной два метра. Сверху щель накрыть брёвнами, засыпать землёй и тоже замаскировать. Ясно?

– Ясно, товарищ капитан.

– Приступайте.

Капитан Черных ушёл, вместо него появился вернувшийся Орещук. Сергей изложил ему новую вводную и передал лопату.

– И що це за служба така? – возмутился Орещук, с силой втыкая в бруствер лопату. – То выкопуй, то закопуй! Хрин зрозумиеш.

– А это, я думаю, для того, чтобы нам служба мёдом не показалась.

– Та який там мед? Хоча б чаю горячего пиднеслы, або горилки...

– Ты же за рулём, Орещук, – заметил Сергей.

– Я зараз – за лопатою и змерз як цуцик, – недовольно проворчал Орещук, забрасывая грунтом несостоявшийся окоп для машины.

Покончив с этой работой, притоптав грунт и прикрыв свежую землю охапками старой хвои, бойцы принялись копать щель, то есть короткую, но глубокую траншею с пологим заходом. За отсутствием топора корни деревьев приходилось рубить лопатой, которая скользила, отскакивала и попадала по ногам, и если бы не надёжный русский сапог, ногам пришлось бы худо.

Ночная тьма стала медленно оседать и прижиматься к земле, уступая место серым предрассветным сумеркам, подгоняемым свежим утренним холодком. Руки замёрзли и дрожали от напряжения. Выкопанную двухметровой глубины щель перекрывать было нечем. В сосновом лесу без топора и пилы делать было нечего, и щель пришлось оставить открытой, лишь отвалы песчаного грунта на брустверах замаскировали наломанными сосновыми ветками. Когда работа была закончена, Сергей с водителем забрались в машину. Орещук завёл мотор, и скоро тёплый воздух, нагнетаемый вентилятором, стал наполнять салон уазика. Когда Орещук выключил мотор, Сергей уже не слышал. Он заснул сидя, привалившись головой к окну. Но долго спать не пришлось.

В шесть часов утра всё тот же Черных разбудил Сергея и водителя и отправил их помогать натягивать маскировочную сетку над сцеплёнными задними бортами тремя командными кунгами. Маскировочные сетки были мокрые, и от холода коченели пальцы.

К утру стал виден результат ночной работы в лесу: были установлены и замаскированы большие палатки, сквозь ветки деревьев проглядывали укрытые машины, тянулись прикопанные провода и кабели электроснабжения, работали генераторы, были подняты многочисленные антенны и ароматно дымила полевая кухня.

Завтракали на свежем воздухе впервые за год – без дурацких команд, грохота сапог и посуды, без барабанной дробы ложек. Сергей, устроившись под деревом, совсем как дома на болотах или на войне, впервые ел из плоского солдатского котелка. Ему нравилась эта боевая обстановка, причастность к какому-то важному мужскому делу, которым все были заняты и увлечены. Он любил войну, как управляемую стихию, в которой всегда есть чётко поставленная задача – уничтожение врага. Он горел этим желанием и, пожалуй, это было самым сильным его желанием, и он мог бы не хуже отца давить на гашетку пулемёта, поливая свинцовым дождём вражеские цепи, но на сегодняшний «мирный» день перед ним стояла совсем другая – канцелярская задача.

Первое задание он получил сразу после завтрака: сделать схему размером три на три метра. Для работы ему отвели большую палатку, где уже стояли столы и несколько стульев. На брезентовом полу он сделал склейку из рулонной миллиметровки, сразу же прикнутив её к деревянным рейкам. Затем он узким плакатным пером расчертил тушью таблицу и стал заполнять получившиеся клетки текстом и цифрами. Через час «простыня» была закончена, но от низкой температуры и влажности долго не хотела сохнуть и даже покрылась инеем.

Ближе к обеду погода разгулялась, и выглянуло солнце. На краю поляны, метрах в двадцати от большой штабной палатки был поставлен стол и три сбитых кресла, взятых из клуба.

Это было рабочее место Сергея, за этим столом он провёл весь оставшийся день, ожидая новых заданий, но их не последовало. Он читал записки В. Катаева, взятые с собой на всякий случай, а когда читать надоело, расстелил на земле шинель и задремал, подставив лицо под тёплые солнечные лучи.

После беспокойной ночи и утра про Сергея как будто забыли, и он был предоставлен самому себе. После обеда он устроил для себя небольшой пикник из принесённого во фляге чая и куска хлеба с сахаром. После целого года непрерывного над собой надзора он впервые почувствовал себя относительно свободным и мог просто сидеть или лежать под деревом в лесу, греться на солнышке и пить горячий чай из фляги. После всего того, что ему пришлось пережить за год службы в армии, этот солнечный апрельский день казался ему невероятным счастьем. Насколько было возможно, он старался не думать об учениях и вообще об армии, а старался представить себя в недавнем прошлом, в родном доме, в родном и знакомом с детства лесу. Он наслаждался каждым мгновением этого временного забвения, ловя каждый лучик солнца, стараясь надышаться чистым хвойным запахом леса.

Это были драгоценные и счастливые часы его жизни. За год службы он уже научился дорожить ими, находить и вычленять их из общего потока военной службы и серого, однообразного казарменного быта, он научился ценить эти дорогие для него мгновения свободы и одиночества.

Подобные минуты возникали не часто и не каждый день. К ним он относил вечернее время в штабе, когда уходили домой офицеры и он оставался в кабинете один. Это время он посвящал книгам, рисованию, сочинительству стихов, но чаще всего – письмам. Иногда он садился на подоконник и просто смотрел в окно на деревья, растущие вдоль дороги.

Главным было – не появляться до отбоя в казарме, чтобы подольше не видеть её опостылевший быт, мало чем отличавшийся от тюремного. Его возмущало и одновременно поражало то, насколько живуче в человеке, а особенно в человеке невежественном, его звериное начало. Он не мог находиться в казарме, потому что не мог слышать тех непередаваемых на вражеские языки звуков, при помощи которых изъяснялись его ровесники и прапорщик Палий. Про себя он знал, что через полгода, когда он станет старослужащим, он постарается прервать эту передаваемую «по наследству» эстафету тюремных правил и отношений, то есть всего того, что называется дедовщиной. И все ребята его призыва, набранные из центральной России, разделяли его мнение.

Дедовщина процветала не в последнюю очередь благодаря таким офицерам, как угрюмый и не видящий для себя перспектив капитан Пещеров. Малейшая попытка самих военнослужащих изменить в роте сложившийся характер неуставных отношений неизменно вызывала у капитана Пещерова гнев и обвинение в призыве к расшатыванию дисциплины. При этом весь он выглядел каким-то жалким и забитым. Должность ротного была тупиковой в его карьере, подняться выше капитана он не мог и потому был обижен на весь белый свет. Его вполне устраивал сложившийся в роте порядок взаимоотношений, и он оберегал этот порядок, как биологическое равновесие в аквариуме.

Так размышлял Сергей, лёжа под сосной на солнечной стороне поляны в первый день боевых учений дивизии. По опыту он знал, что чем дольше будут длиться эти учения, тем больше будет стекаться в штаб всякого секретного материала, из которого потом сложатся графики и таблицы, которые ему придётся вычерчивать независимо от времени дня и ночи.

А пока была пауза, он лежал на своей солдатской шинели и вспоминал своё детство и школьные годы, потому что много прошлого у него не было и вся жизнь была ещё впереди.

Но ничто на свете не бывает вечным – и этот счастливый день подошёл к концу.

4

Вечером из Лиды за Сергеем пришла машина. Оказалось, что оставленные в штабе дивизии двое писарей были перегружены работой, и руководивший ими подполковник Кузнецов был вынужден позвонить полковнику Мазурову и попросить вернуть рядового Польшина в часть, на что начальник боевого отдела дал добро.

К полуночи Сергей был доставлен в часть. В казарме было непривычно пусто, весь личный состав находился на учениях, только свободные от работ музыканты дружно спали на своих местах в конце большого кубрика. Сергей, поговорив с дневальным, повесил на вешалку свою шинель и уже было хотел ложиться спать, как зазвонил телефон и дневальный передал Сергею команду – явиться в штаб.

В обеих комнатах боевого отдела, несмотря на поздний час, кипела работа. Связисты то и дело приносили сведения о работе полков, подполковник Кузнецов, сидя за своим столом, сводил поступающие данные в таблицы, выводил разноцветными карандашами сравнительные графики выполнения полками нормативов и передавал свои черновые наброски писарям. Михаил и Александр клеили из миллиметровки «простыни», крепили к ним деревянные рейки и начинали вычерчивать полученные таблицы и графики разноцветной тушью. Вторые сутки они не ложились спать. Готовые схемы подполковник Кузнецов относил и вывешивал в актовом зале на обозрение присутствующим там членам проверяющей комиссии из штаба армии.

– А-а, помощник пришёл! – обрадовался подполковник, увидев появившегося в дверях Сергея.

– Здравия желаю, товарищ подполковник.

– Ну, как съездил?

Сергей коротко изложил то, что он делал прошедшей ночью и днём.

– Да... а у нас вот аврал, – сообщил Кузнецов, показывая на стоящих на коленях и занятых работой писарей. – Давай помогай.

– Пусть он идёт спать, товарищ подполковник, – вмешался в разговор Михаил. – Мы без него справимся.

– Да? Управитесь до утра?

– Управимся, – подтвердил сержант Ануров.

– Ну, тогда иди, Польшин, отдыхай, а утром сменишь их, – согласился подполковник и снова углубился в свои бумаги.

Сергей вернулся в казарму и лёг спать.

На следующее утро после завтрака он явился в штаб. Химичев и Ануров всё ещё работали. Уже две ночи подряд они не спали. Получив задание, Сергей включился в работу, и до обеда работали втроём, после чего вконец обессиленные и едва стоявшие на ногах ефрейтор Химичев и сержант Ануров ушли спать.

Новых заданий до вечера не поступало, и Сергей, сидя за своим рабочим столом, писал письма. После ужина начальник выложил перед ним целую пачку новых схем и таблиц, которые нужно было сделать к завтрашнему дню. Подполковник Кузнецов уже третьи сутки не спал и едва держался на ногах. Передав Сергею подготовленные им задания, он рухнул на стулья и провалился в сон.

Ночь тянулась бесконечно долго. Когда Сергей уставал, он делал пятиминутный перерыв, открывал окно и дышал свежим ночным воздухом. В опустевшем штабе продолжалась ночная жизнь, работал узел связи, принимавший и отправлявший шифрованные донесения и вводные. Свет, горевший в окнах первого этажа, выплёскивался в темноту ночи и растекался жёлтыми маслянистыми лужами у корней, окружавших здание штаба деревьев.

К утру большая часть работы была сделана. Выспавшийся подполковник обрёл бодрый вид, хотя и выглядел немного помятым. Он разворачивал по очереди готовые «простыни», смотрел, кивал одобрительно головой и отставлял в сторону. Он обещал после завтрака отпустить Сергея отдыхать, но смена не пришла, и Сергей был вынужден работать до обеда. Только после того как пришли Михаил с Александром, Сергея отпустили, и он, придя в казарму, лёг спать и проспал до утра.

\* \* \*

На следующий день ученья завершились. Наступило тёплое апрельское воскресенье, возвращалась в свои боксы задействованная на ученьях техника, и армейская жизнь городка входила в своё привычное русло. Весеннее солнце впивалось в землю, вызывая рост травы, ветки деревьев отяжелели, готовясь выбросить зелёную листву. Но через неделю погода испортилась, и, как это часто бывает весной, теплые деньки сменились затяжными дождями и холодом. Отлютовал проливным дождём и сильным ветром последний апрельский день, но за ночь тучи ушли на восток, и первый майский день, как и положено праздничному дню, был солнечным и ясным. Ветер стих, и на следующий день было уже по-летнему тепло.

Весь прошедший год службы Сергей вёл большую и активную переписку с друзьями. Он переписывался с Рудаковым, Вятичевым, Быстровым, с родителями, с бабушкой, которая вскоре после его отъезда в армию покинула посёлок и уехала в Саратовскую область – туда, где прошло её детство, юность и первая половина жизни – в её родную Черниговку. Жизнь на посёлке после отъезда внука утратила для неё всякий смысл. С дочерью – матерью Сергея – отношения были натянутые. Сергей никогда не понимал причины таких отношений. Ему никто не объяснял этого. Но, скорее всего, как он стал считать с годами, размышляя о причинах сложных отношений в семье, причина была в том, что бабушка не одобряла выбор своей дочери и не любила зятя. В общем-то, причина была стара, как мир.

С девушками Сергей переписки не вёл – так получилось. С Ниной связь прекратилась почти сразу, в первые месяцы службы. Светлана за год прислала ему две открытки – он отправил ей десять писем и больше решил не писать, так как не видел в этом никакого дальнейшего смысла. И после того как он решил, что больше не будет писать ей, после пяти лет бесполезных усилий и жестоких самоограничений, сделавших его чужим среди своих, он почувствовал невероятное облегчение, как будто сбросил с себя тяжёлый груз, который тащил все эти годы. «Свобода! – сказал он. – Ничто больше не связывает меня с прошлым, данными себе обещаниями и самозапретами».

Да, прошло время данных когда-то в юности обещаний верности той, которую он для себя выбрал, но которой, как Дульсинее Тобосской, не было никакого дела до его обещаний и самоограничений. Она была обыкновенной девочкой – далёкой и потому недоступной, а он был неисправимым романтиком – наивным и упрямым. Он писал наивные стихи о своём одиночестве, медленно, но упорно совершенствуя своё мастерство. А придуманные и взятые на себя когда-то самоограничения так и остались с ним на всю его жизнь, потому что стали его сущностью, от которой он уже не мог избавиться.

Третьего мая ему приснился сон: как будто он вернулся домой после службы, а дома всё осталось по-старому, как было в то майское утро, когда он бежал на станцию, боясь опоздать на поезд. Ничего не изменилось: те же, знакомые с детства, вещи стояли на своих местах, та же школа, всё те же учителя и ученики; и он вместе со своими одноклассниками собирает металлолом после уроков.

Ничего не изменилось...

От этой неменяющейся картины ему стало обидно, и он проснулся. «Неужели так может быть на самом деле? – подумал он. – Прошёл целый год и ничего не изменилось?» Для него-то

прошедший год, даже при всём кажущемся однообразии военной жизни, был годом больших перемен как в физическом, так и в духовном плане.

Он лежал и думал о том, что же всё-таки он приобрёл для себя за год службы в армии. Он прожил этот год самостоятельно, без родителей, и пережил самые тяжёлые моменты: издевательства и унижения, каким обычно подвергают молодых солдат недалёкие умом старослужащие. Он не сломался и выстоял, и не принял эти дикие «правила» казарменной жизни, насаждаемые с попустительства ротных начальников отпрысками бывших бандеровцев. Он был вырван из привычной гражданской жизни и уже целый год наблюдал её со стороны. В нём зародилось и жило то новое для него осознание, что он лишён прежней свободы и многих прав и что положение его в данный момент, вероятно, не многим отличается от положения заключённого в тюрьму (отличие только в одежде и в праве носить оружие). И всё это вместе взятое было для него большим испытанием, которое надо было выдержать. Он уже научился главному – самые тяжёлые моменты службы пропускать сквозь себя, как воду сквозь сито, как будто не замечая всего того тяжёлого, что неслось и наваливалось на него. Такой подход помогал выжить и не потерять человеческий облик. Армия сбросила с него розовые очки иллюзий и показала жизнь в её подлинном свете, где он был никем и где нужно было только выживать.

Но как бы там ни было тяжело, он всё же любил армию и был благодарен ей за то, что она за короткий срок научила его тому, что другим приходится осознавать в течение жизни.

Во вторник, в конце рабочего дня, когда офицеры уходили домой, Сергею позвонили из строевой части и сообщили, что на его имя получена телеграмма. За несколько минут Сергей добежал до почты и получил телеграмму. В ней было написано: «Тяжело болен отец Польшина Сергея. Инфаркт. Прошу отпуск. Райвоенком Читалов. Наличие печати подписи военкома удостоверяю оператор телефонной связи Глушкова».

Впервые за службу у Сергея беспокойно забилося сердце. Однако рабочий день был закончен, офицеры разошлись по домам, и оформление документов пришлось отложить на завтра.

## 5

На следующий день до обеда Сергей оформил все документы и в час дня уже сидел в поезде «Гродно – Москва».

Целый год он думал и представлял себе, что когда сядет в поезд и поедет домой, то будет всю дорогу смеяться от радости, но в жизни оказалось всё по-другому. Никакой особенной радости он не чувствовал, что поначалу казалось ему очень странным. Тревожный текст телеграммы не выходил из головы и подавлял радостные эмоции, связанные с тем фактом, что он едет домой. Он получил отпуск на десять суток, включая дорогу, и понимал, что через десять дней ему придётся сюда вернуться, и возвращение это будет тяжёлым. О том, что возвращение будет непременно тяжёлым, он знал, – об этом рассказывали те, кому пришлось испытать это на себе...

Он смотрел в окно на летящий назад однообразный бесконечный равнинный пейзаж, на унылые почерневшие деревеньки, наспех сколоченные после войны, на разбитые дороги, шлагбаумы, голые поля, на заросшие травой, но ещё заметные ломаные линии траншей и окопов, и думал о том, что если бы из тюрем стали отпускать заключённых в отпуск, то вряд ли кто-то из них добровольно вернулся бы назад. А ему через десять дней придётся возвращаться, и эта мысль его долго не отпускала. Но постепенно он забылся и только смотрел, ни о чём не думая и не отрываясь, в окно, как смотрят на огонь или на волны.

Ближе к вечеру он расположился на второй полке и уже не покидал её до конца поездки. Когда Смоленск остался позади, он тихо и незаметно заснул, убаюканный монотонным стуком колёс.

В шесть утра поезд прибыл в Москву. Встреча с нею для Сергея всегда была волнующим событием. Здесь он прожил два месяца в тот год, когда, окончив школу, приехал сдавать экзамены в архитектурный институт; и это был единственный город, кроме родного посёлка, в котором он жил так долго. Он был влюблён в этот город, в его деловую занятость и даже в особый запах, который впоследствии, с годами, перестал ощущать.

На Ярославском вокзале он оформил билет до Иванова. Поезд отходил вечером, и у него в запасе был целый день. Подумав, как бы с пользой провести время, он решил, в первую очередь, поехать на Кузнецкий мост, чтобы взглянуть на архитектурный институт. Он хотел проверить себя на опыте, то есть попытаться почувствовать в себе прежнее желание – поступать в этот институт после армии.

Подойдя к воротам, он остановился и несколько минут любовался красивым фасадом главного здания института. Во дворе у фонтана кружились студенты, переговаривались, весело смеялись. Какой непохожей – весёлой и красивой – казалась их жизнь... От такой беззаботности на душе у него стало горько и досадно. «Знали бы они ту жизнь, какую знаю я, – подумал он. – Но ничего, я ещё вернусь...»

В это время он заметил во дворе института двух красавиц, как две капли воды похожих друг на друга. «Сёстры Виляевы! – мелькнула в его голове радостная догадка. – Да, это они». Он узнал их. Два года назад он впервые встретил их на вступительных экзаменах. И ещё тогда они произвели на него такое сильное впечатление, что он запомнил их фамилию, хотя познакомиться не решился. Последний раз он видел их прошедшей зимой по телевизору. Они были участницами команды КВН архитектурного института. Правда, команда тогда проиграла, и это было её первое и последнее выступление.

Сёстры направились к воротам. Две красавицы с длинными тёмно-каштановыми косами и васильковыми глазами прошли мимо Сергея, не обратив на него внимания, но, тем не менее, он был рад, что в таком большом и чужом ему городе он встретил знакомые лица. Он вдруг почувствовал, что весь этот двор и сам институт стали для него роднее и ближе.

Да, сюда он будет поступать через год и непременно поступит. Он уже в это верил, потому что очень желал этого.

Он отправился гулять по улицам, но магазины были ещё закрыты. От площади Дзержинского он доехал на автобусе до Бородинской панорамы, которую давно мечтал увидеть. Четыре года назад в музее случился пожар, устроенный китайцами, облившими полотно самовоспламеняющейся жидкостью. Большая часть полотна панорамы погибла, но была заново восстановлена.

Сергей был потрясён открывшимся перед ним зрелищем. Стоя на смотровой площадке, он очутился в центре самого грандиозного сражения в истории России. Великолепное зрелище буквально заорожило его и долго не отпускало. Как он мечтал оказаться на этом поле...

После музея он отправился гулять по Кутузовскому проспекту, зашёл в музыкальный магазин и купил шесть «Бранденбургских концертов» Баха. Следующим объектом его посещения стал музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. В нём он пробыл часов пять, а потом до самого вечера гулял по улицам Москвы, заглядывая только в книжные магазины.

В десять часов вечера он снова сидел в поезде, и снова, лёжа на второй полке, слушал убаюкивающий стук колёс, а ранним утром следующего дня сошёл с поезда на вокзальном перроне города Иванова. В десять часов утра вечно пыльный, старый и тихоходный поезд доставил его в Колокольск, где он, перейдя город с края на край, сел в один из четырёх «игрушечных» вагончиков, и «игрушечный» паровозик, пыхтя и посвистывая не остановках, по узкоколейке привёз его к обеду в Полуднево.

6

Был солнечный майский день. Бурая кисейная дымка молодой берёзовой поросли тянулась по обеим сторонам дороги и подбиралась к двухэтажному бревенчатому зданию станции. В воздухе стоял горьковатый запах нагретого солнцем торфа, смешанный с лёгким ароматом безлистного ситника, молодого тростника и дернистой осоки. Из соседних со станцией дворов доносился липкий настой набухших тополиных почек.

Маленький паровозик, выпустив с громким шипением пар, остановился на изгибе железной дороги. Спрыгнув с подножки вагона, Сергей зашагал по мелкому гравию, перешагивая через железнодорожные ветки. У станции его встретили бабушки: Варя и Шура – младшие сёстры его родной бабушки Марии. Он обнял их по очереди, и каждая, достав платочек, стала вытирать глаза. Бабушка Шура сопровождала его недолго, пройдя с Сергеем с полсотни шагов, осталась возле своего дома, стоявшего рядом со станцией.

Сергей впервые после столь долгого отсутствия шёл по родным, знакомым с детства улицам, и всё в нём ликовало от радости встречи с тем миром, в котором он когда-то жил и который теперь существовал без него. Ему было приятно после года разлуки вновь увидеть знакомые дома, заборы, лужи, сараи, поленницы дров, скамейки у подъездов, принарядившуюся площадь, где по праздникам собирается народ, и даже небо, сиявшее здесь особенной синью.

На краю площади, у дороги, на месте, где когда-то стояла пивная «Голубой Дунай», он увидел стены строящегося нового клуба. Возводимая из силикатного кирпича прямоугольная коробка не сулила ничего интересного, и старый деревянный клуб было жаль. Пока он ещё стоял на своём месте, и общественная жизнь в нём кипела по-прежнему, но дни его были, как видно, сочтены.

В парке Сергей встретился со своим младшим братом, спешившим ему навстречу, – десятилетним Юрой. Они поздоровались, обнялись, Сергей протянул брату руку, – смутившись, Юра протянул свою ладошку и пошёл рядом с Сергеем. Всё получилось так просто, как будто они расстались только вчера. Юра не умел показывать своего восторга и немного стеснялся. Такова была особенность его возраста и внутренней организации, но было заметно, как он радовался встрече.

На последнем повороте дороги, где старые тополя заглядывали в окна бани и стены дома забелели сквозь толстые ветви рябин, Сергея охватило трепетное волнение.

Он вошёл в дом и ещё из коридора увидел лежащего на диване отца.

– Здравия желаю, – весело отрапортовал он.

Реакция отца была для Сергея неожиданной. Увидев сына в военной форме, он вдруг заплакал, закрыв лицо руками. Сергей подошёл и наклонился над отцом, тот обнял и поцеловал его.

– Прости, – проговорил сквозь слёзы отец.

– Что ты, пап? Ну что ты? Всё нормально...

– Приехал, сынок... А я уж думал, не увижу тебя, – говорил отец, вытирая рукавом глаза.

Немного успокоившись, он позвонил матери на работу в роддом и сообщил ей о приезде сына. Через несколько минут она прибежала домой. Они обнялись на пороге...

Как давно... Сергей даже не мог припомнить, как давно он не обнимал мать. Отношения его с родителями ещё задолго до армии были натянутыми. Вероятно, с того самого времени, когда он стал самоутверждаться, эти отношения были испорчены. И только в армии, осознав и поняв многое из того, что он не понимал и не осознавал ранее, Сергей написал матери письмо и повинился в своих необдуманных поступках и грубых словах. Мать поняла и простила его, как и положено матерям прощать своих сыновей. И теперь они стояли и обнимали друг друга...

Когда просохли слёзы радости от встречи, все с интересом стали рассматривать новую форму, которую только недавно ввели в войсках, и наперебой расспрашивали о службе. Потом мать послала младшего брата в сарай за дровами, чтобы нагреть воды для ванны и чтобы Сергей мог помыться с дороги, а сама принялась готовить еду.

Вскоре прибежал соседский приятель Сергея по рыбалке – тоже Сергей. Он заканчивал десятый класс. Вопросам и ответам не было конца. Между тем мать собрала на стол, и все вместе сели обедать. Отец не мог принять участия в застолье, но он всё слышал и радовался вместе со всеми. За обедом пили домашнее вино, много говорили, вспоминали и смеялись.

Потом, когда бабушка Варя и сосед-приятель ушли, Сергей отправился в ванную. Сидя в горячей воде, он смотрел на огонь в топке титана и ощущал блаженство. Он всегда любил сидеть так и смотреть на огонь. Это успокаивало и примиряло все мысли, тревоги и волнения. Огонь убаюкивал, как мамина колыбельная, и помогал мечтать...

Он помнил это ощущение с самого детства. Ещё он всегда помнил, как впервые был посажен в эту ванну родителями вместе с девочкой Таней во время празднования новоселья. С тех пор прошло четырнадцать лет, он вырос за эти годы и даже отслужил половину срока в армии.

Для людей старшего возраста четырнадцать лет могут пролететь незаметно, ничего не изменив в их жизни, и даже одежда может остаться прежней, и привычки, и друзья, и всё остальное. Но каждый детский год – это целая жизнь: столько всего нового он приносит. Потому и врезаются в память годы детства и молодости, что наполнены они запахами, вкусом, ощущением цвета и волнительными чувствами.

Весь оставшийся день и вечер Сергей был дома. Младший брат достал из чемодана привезённые Сергеем книги, сложил их на стуле возле дивана, где лежал отец, и они вместе долго листали их. Юра стал много читать, за последний год он прочёл большую часть библиотеки, которую Сергей успел собрать до армии. Сергей и в армии продолжал покупать книги, тем более что книжный магазин был в одном здании с казармой – на первом этаже. Одной из удачных покупок стал двухтомник «Войны и мира» с иллюстрациями Николаева. Его тонкие виртуозные рисунки Сергей очень любил и считал лучшими иллюстрациями Толстого.

Вечером пришла в гости мать школьного друга Бориса Шнурова. Снова был стол и оживлённый разговор, и впервые за последний год Сергей спокойно уснул под тёплым домашним одеялом.

## 7

На следующий день – в субботу, как уже много лет подряд, Сергей проснулся от распространившегося на весь дом запаха блинов, доносившегося из кухни. Этот ни с чем не сравнимый запах материнской заботы за много лет выработал в нём стойкое убеждение, что только так и должен начинаться любой субботний день, если ты дома, в семейном кругу и есть кто-то, кто может о тебе позаботиться.

Утро было солнечное и по-весеннему свежее. Несколько мгновений, пока он лежал в своей постели, он наслаждался этим домашним счастьем, создаваемым руками матери. Потом, отбросив одеяло, он быстро поднялся, не одеваясь, вышел во двор и проделал, как в армии, ряд физических упражнений. Деревья сада стояли с набухшими почками, готовые в скором времени разродиться белыми и розовыми цветами, от бани тянуло острым и липким тополиным запахом.

Когда он вернулся в дом, умылся, оделся и сел за стол, мать поставила перед ним большую стопку горячих тонких, его любимых с детства блинов. В поедании блинов у него был свой, сложившийся с годами порядок. Сначала он ел блины, сворачивая их трубочкой и макая в

сметану. Так он съедал десяток блинов, второй десяток он запивал молоком, а на десерт – ещё десяток – с чаем и вареньем. На этом завтрак заканчивался к взаимному удовольствию сторон.

После завтрака Сергей, соскучившийся по крестьянской работе, весь день с огромным увлечением трудился в огороде – поддобривал навозом бедную песчаную землю за сараем и перекапывал её, готовя к посадке картофеля. Младший брат оказывал ему посильную помощь.

Эту главную в году работу на земле он любил, и во все последующие годы, пока была жива мать, он всегда приезжал домой на майские праздники и перекапывал землю. Он чувствовал, что эта работа с землёй какими-то неведомыми нитями связывала его с его предками, веками обрабатывавшими землю. Он чувствовал этот зов крови и с удовольствием отдавался ему.

Приезд сына изменил настроение отца и самым положительным образом сказался на его самочувствии. Он находился в прекрасном настроении, шутил, пересматривал привезённые сыном книги и с любовью поглядывал на висящий на спинке стула его новый мундир, украшенный большим, похожим на орден, знаком «Гвардия».

Вечером Сергей отправился в клуб на торжественное собрание, посвящённое Дню Победы. Первым, кого он встретил из своих бывших одноклассников, был Евгений Волков – тот самый, что, увязавшись когда-то за ним после восьмого класса, поступил в Индустриальный техникум. Теперь он его окончил и ожидал призыва на военную службу. Пока шла торжественная часть собрания, Сергей рассказывал приятелю о сложностях военного быта и давал полезные советы, которые могли бы ему пригодиться на службе.

По окончании торжественной части в клубе начался концерт самодеятельности. Сергей услышал много новых для себя песен. Он припомнил, как ходил до службы в клуб на такие же, как сегодня, праздники, как смотрел концерты, встречался с друзьями и скучал на танцах. Все эти воспоминания из недавнего прошлого вдруг нахлынули на него, и ему стало казаться, что вовсе не было этого года службы в армии. Его снова окружали всё те же люди, с которыми виделся он только вчера, и только одна долгая ночь отделяла его от этого «вчера».

Хорошее долго помнится, и этим оно отличается от плохого. Одного дня хватило ему, чтобы забыть армейские будни и рассказывать о них как о чём-то увиденном в кино.

После концерта начались танцы, но не на танцплощадке, где они обычно проводились, а прямо перед главным входом на асфальте. Некоторое время Сергей стоял, с интересом разглядывая публику, никого не приглашая. В нём сработала старая привычка, и он не пытался с ней бороться. На какое-то время он покинул площадку, провожая приятеля, но потом вернулся.

И тут он встретился с Ольгой. Она увидела его первая, подошла к нему и с любопытством стала рассматривать его непривычную новую форму. Ровно год они не виделись – с той самой ночи, накануне его отъезда в армию, когда они гуляли вдвоём и грелись у костерка, сидя на скамейке в парке, когда у него остановились часы и он чуть было не опоздал на поезд.

За год, пока он не видел её, Ольга расцвела и стала, как ему показалось, ещё красивее, чем прежде. Передние локоны её русых волос, зачёсанных на пробор, спиральками свисали по обеим сторонам лица, придавая её строгим классическим чертам новое, ещё незнакомое ему выражение. На ней был модный болоньевый плащ, а шею охватывал высокий ворот тонкой водолазки.

– Какая же ты стала! – с нескрываемым восхищением сказал Сергей, в свою очередь рассматривая свою бывшую соседку по парте.

– А какая я стала? – кокетливо поинтересовалась Ольга.

– Я бы не узнал тебя...

– Да? А что же?

Сергею стало неловко от её навязчиво игривых вопросов, он догадывался, что именно она хотела от него услышать, но сказать вслух то, что она ждала от него, он не решился.

– Какая-то ты... другая – совсем городская стала... и ещё лучше прежнего, – смущённо произнёс он.

Ольга удовлетворённо засмеялась. От её смеха, которого было так мало в его прошлой с ней жизни, Сергею вдруг захотелось вновь пообщаться с Ольгой, и он предложил ей прогуляться, на что она охотно согласилась.

Они долго гуляли в эту ночь, ходили по пустынным улицам посёлка; по тем самым улицам, по которым они гуляли ещё зимой в десятом классе и потом – в последнюю ночь перед его отъездом.

Говорили много, почти не умолкая, – так много всего накопилось за год, пока они не виделись. Он рассказывал ей о службе, о себе, о новых друзьях, о городе Лида, в котором он проходил службу, читал ей свои новые стихи. Она шла с ним рядом, держа его за локоть, и слушала, слушала, замирая от наступившего в душе умиротворения и покоя.

Майская ночь оказалась холодной, и они зашли в подъезд её дома, где было немного теплее. В этом подъезде он поспешно простился с ней год назад, когда обнаружил, что его часы остановились и что он, возможно, опоздал в армию... Вспомнив это, он вновь захотел поцеловать её, но в ту же секунду засомневался в своём желании.

От этих мыслей ему самому стало смешно. «Сколько времени прошло, – говорил он мысленно сам себе, – а я всё думаю об этом... Два года! Два года, как мы окончили школу, и я почти не встречался с ней, а всё не могу подавить в себе прежнего желания. Зачем мне это теперь? Так нет же – хочу поцеловать, и всё тут!»

– О чём ты задумался? – услышал он из темноты её голос.

– Так... ни о чём.

– Скажи, – настаивала она.

– Да вот... хочу поцеловать тебя и сам себе говорю, что этого делать не нужно. Вот и задумался, прости.

– Ой, Серёжа! Ты всё такой же, – засмеялась она.

Вскоре они расстались. Он ушёл, так и не поцеловав её.

Был час ночи. Он спешил домой, ему было неудобно перед родителями, которые, наверное, ещё не спали и ждали его.

Матери, открывшей дверь, он сказал, что гулял с друзьями.

## 8

Школьные друзья... Надо ли говорить, что такое – школьные друзья? Возможно, для кого-то – это лишнее обременение памяти, забытая история, а для кого-то – дорогие воспоминания и то немногое, что остаётся на закате дней. Подобно птенцам, выросшим в одном гнезде и вместе покинувшем его, одноклассники разлетаются в разные края, чтобы по отдельности прожить свои неповторимые жизни и, возможно, больше никогда не встретиться.

Но какой бы бурной ни сложилась жизнь каждого, неизбежно наступает время, когда человек возвращается к своему детству и юности и удивляется быстротечности времени. Тогда с неподдельной тоской и грустью он пытается вспомнить своих школьных друзей – единственных свидетелей своего детства, когда мир был переполнен светом, и ярче казались краски, и запахи острее вбивались в память. И тогда невольно защемят уставшее сердце и захочется куда-то бежать, кому-то звонить, и одиночество станет невыносимым.

Был солнечный воскресный день – День Победы.

С утра гремел на площади духовой оркестр, наполняя лёгкий весенний воздух звуками вальсов и маршей. На призывные звуки медных труб, как на колокольный звон, потянулся на площадь народ. В одной её стороне, где только год назад был установлен памятник павшим за Родину, стояла, ожидая своих гостей, обтянутая кумачом деревянная трибуна, а чуть поодаль отсвечивал медным блеском духовой оркестр. Собранные на Главной улице праздни-

ные колонны, распестрённые флагами и транспарантами, обходили пронизанный светом парк и выстраивались на площади вокруг трибуны. Впереди с цветами в руках стояли нарядно одетые школьники, за ними – коллективы рабочих и служащих. Особой группой держались нестарые ещё ветераны. В этот день их лица светились особым, неповторимым светом. Чувствуя себя виновниками торжества, они сдержанно улыбались, отсвечивая наградами, гроздьями свисавшими из-под лацканов пиджаков.

С утра Сергей поздравил отца и, надев мундир, отправился на площадь. Митинг, который обычно открывал его отец, уже шёл. Выступал директор школы Грачёв, вокруг него на трибуне стояли почётные рабочие и руководители производств.

Увидав Сергея, к нему навстречу из толпы, улыбаясь и раскинув руки, кинулся Николай Волков – его школьный друг и товарищ, за ним вразвалочку подкатил своей расхлябанной походкой всегда весёлый и неунывающий Гена Дюков. У Николая на глазах заблестели слёзы, он обнимал Сергея, хлопая его для убедительности по спине и многократно повторяя:

– Серёга, друг! Серёга... приехал!

Дюков протянул руку и ткнулся головой в грудь Сергея, громко и весело приветствуя его.

Школьные друзья – с ними он пережил первое расставание, с ними же – и радость первой встречи. Вопросы сыпались один за другим, хотелось всё сразу узнать, утолить любопытство и восполнить пробелы за прошедший, первый прожитый самостоятельно, год.

Сергей спросил Николая о Борисе.

– Он не приехал сегодня, – сообщил Николай. – Он вообще стал редко приезжать сюда.

– Редко, значит... Ну ладно. Ты скажи ему, когда увидишь...

– Скажу, непременно скажу, а ты надолго приехал?

– Отпуск короткий. Всего десять суток с дорогой. Шестнадцатого надо быть уже в части.

– Да, маловато...

Они стояли, окружённые праздничной толпой, и тут Сергей увидел свою учительницу литературы. Он подошёл и поздоровался с ней. Она, обрадованная и удивлённая неожиданной встречей, принялась расспрашивать его о службе, о планах на жизнь, справилась о здоровье отца, а он, в свою очередь, расспрашивал её о школе, о ребятах своего бывшего класса.

– Да... класс ваш был исключительный, – говорила Алевтина Сергеевна, улыбаясь и глядя на Сергея сквозь увеличительные линзы очков. – Кого ни возьми – личность.

– И я, Алевтина Сергеевна? – перебил разговор Дюков, подавшись вперёд и радостно заглядывая в глаза учительнице.

– И ты, Гена! Как же без тебя? – засмеялась Алевтина Сергеевна.

Гена кивнул утвердительно головой и повис на плече Николая.

– Ну, а куда собираешься поступать после армии?

– Пока не знаю, окончательно ещё не решил, – уклонился от прямого ответа Сергей, почувствовав вдруг, что ещё твёрдо не уверен, что вновь будет штурмовать архитектурный. – К точным наукам я охладел, выберу что-нибудь гуманитарное.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.